

личность, перед которой были бы бессильны все соблазны и искушения современного сатанизма.

Современное законодательство Российской Федерации открывает широкие возможности для развития самых разных форм школьного религиозного образования в нашей стране как в негосударственных так и в государственных и муниципальных школах и было бы нравственно-преступно не использовать их.

Литература

1. Православная культура: Концепция, учебные программы, библиография. М., 2003.
2. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1993.
3. Ильин И. А. Основы христианской культуры. СПб., 2004.
4. Ильин И. А. О грядущей России. Н. Й., 1991.
5. Метлик И. В. Религия и образование в светской школе. М., 2004.
6. Шестун Е., прот. Православная педагогика. М., 2002.
7. Козырев Ф. Н. Религиозное образование в светской школе. СПб., 2005.

Романов А.В.

О бюрократической религиозности

В многообразии типов индивидуальной религиозности [Романов, 2004] выделяются бюрократические ее формы. Исторические формы религиозности приспособлены к доминирующим националистическим, классовым, политическим идеологемам. Ярким примером политической адаптивности является немецкий католицизм, капитулировавший перед политическими, культуральными требованиями нацистской диктатуры [Оллпорт, 1998], также как и отечественное православие, адаптированное ко всем политическим

режимам, существовавшим в России: петровскому, дореволюционному, сталинскому и современному «демократическому».

Ориентация на нормативность связана с бюрократическими тенденциями в религии, предполагающими недоверие к спонтанности, самости, естественности человеческих проявлений, нерегламентированности религиозного и мистического опыта. Бюрократическая религиозность рациональна, лишена ориентации на спасение души, посмертное существование и сферу трансцендентного. Основания этики полагаются не трансцендентными, а сугубо имманентными, социальными, определяемыми функционированием общества как системы. В структуре личности абсолютизируется роль суперэго и персоны (что, в частности, проявляется в обилии одежд священников, в статусном характере религиозных отношений).

Культ предков, принимающий форму традиционализма и ортодоксии, форму поклонения сакрализуемым политическим лидерам, определяет послушание масс. По выполняемым социальным функциям и личностным основаниям в массовом сознании «атеистическая» сакрализация Ленина (с соответствующим культом нетленных останков) мало чем отличается от канонизации Николая II (прозванного современниками «Кровавым»). «Мистическая сопричастность» с сакрализованным предком наполняет человека чувством уверенности, всемогущества и защищенности.

Образ кармического Бога, подавляя деструктивные интенции психики, призван социализировать человека. Человеку следует жить, «как будто» Бог существует, потому, замечает У. Джемс, что это принуждает его к более нравственному образу жизни [1997]. Таковы же основания веры в Бога Вольтера и просветителей: образ Бога необходим для гармонизации социальных отношений.

Д. В. Пивоваровым выделяются «социоцентрические религии», формирующиеся на основе сакрализации социальных потребностей, явлений и норм. В рамках эгоцентрической ориентации, идеи собственной исключительности для них характерно наделение атрибутом богоизбранности

отдельных индивидов, конфессий, этнических общностей. «Правoverные» группы противостоят иным общностям, пребывающим вне Бога и истины. Патриотизм, атеизм со своей развитой литургической, иконографической составляющей (праздниками и портретами вождей), с культом нетленных останков, борьбой с еретиками-ревизионистами и пр. является формой социоцентрической религии [Пивоваров, Медведев, 2000].

В рамках бюрократической религиозности спасение принимает форму устранения государственного хаоса и анархии. Государственная церковь, отождествляемая с бюрократической структурой, призвана служить государственному порядку, выступающему главным атрибутом Бога. Принципы социального неравенства, политической системы власти и подчинения полагаются данными «от века» и «свыше».

Церковная динамика подчиняется интересам развития государства, бюрократии, системы власти. Священник становится чиновником, церковь, мечеть – «государевыми». Религия начинает отвечать за «духовно-нравственное воспитание» в обществе. В обязанность граждан входит приобщение к государственной религии. Религия бюрократии, по замечанию М. Вебера, является носителем идеала рационализма, дисциплины и порядка. Бюрократия презирает иррациональную религию и вместе с тем осознает ее необходимость для сохранения послушания в обществе, «вынуждена официально проявлять уважение к церковной религии, чтобы сохранить власть над массами» [Вебер, 1996].

Общая черта любой религии – связь с трансцендентным – является эффективным средством сохранения системы эксплуатации. Чем больше человек исходит из общей для всех кармической установки, полагая, что «там» ему воздастся за все страдания при жизни, тем менее он склонен протестовать против социальной несправедливости и эксплуатации. Чем в большей степени объект эксплуатации чувствует себя бесправным, тем более его стремление к Богу-Отцу и вера в трансцендентное воздаяние. Антирелигиозная позиция Маркса и Ленина определяется тем, что верующие были озабочены своим

земным существованием недостаточно для того, чтобы начать бороться за уничтожение старой системы эксплуатации и построение нового общества [См.: Нибур, 1996]. Религиозный «опиум» мешает изменить несправедливый социальный мир. И К. Барт [2005] нападает на религию, выступающую идеологической основой буржуазной культуры.

Набожность в такой религии сочетается с антигуманностью и жестокостью в отношении «народных масс». Военные, бюрократические цели обретают статус богоугодных. Не политический режим трансформируется в христианский, а христианство становится политизированным, олигархическим (переставая быть христианством). Таковая религия незаменима для политической власти. «Посвященный» гражданский или религиозный чиновник веру в магическую эффективность такой религии предоставляет эксплуатируемой «черни», для него она остается «духовной» основой системы государственного правления. Верховный правитель отождествляется с первосвященником, обретая качество спасителя – становясь «помазанником». Осуществляется восхваление и обожествление политической власти – какой бы деструктивной она не была. Государственные религиозные организации обречены цезарю воздавать богово. Первоправители становятся фараонами, полубогами – с соответствующим политически-сакральным культом. В истории мы видим много церквей, отмечает А. Маслоу, «чье благочестие изрекалось среди деградации и эксплуатации людей, которые утверждали, что ничего нельзя с этим поделать. <...> Такой тип маниловской религии, которая часто превращалась в реальную поддержку повседневному злу, не может быть жизненным» [2002, с. 207].

Слитые воедино религиозные и государственные структуры пронизываются духом иерархичности и субординации. Исторически бюрократический тип религиозности наиболее полно воплощен в конфуцианстве. Если для него крайние формы компромисса с государственной властью вполне естественны, то для «христианства» поддержка системы

эксплуатации является формой отхода от евангельской любви к «ближнему» и «дальному».

Вера проявляется не в стремлении к лучшему, а в приверженности к существующему. И, если под ересью понимать не «особое вероучение», не «свободомыслие», не «отход от Церкви», а компромисс трансцендентного, «не от мира сего», вероучения с имманентными принципами социальной, политической, финансовой жизни, то бюрократические формы христианства еретичны. Исторические мировые религии в бюрократическом качестве регрессируют на уровень более ранней национальной (и националистической) религиозности.

Христианство «не от мира сего», богочеловеческое не может быть распространенным. Христианство распространенное, компромиссное не может быть богочеловеческим. В бюрократической религиозности моноконфессиональность отождествляется с однопартийностью. Большевики также презентировали абсолютную истину и монизм идеологии. Монизм, по замечанию Н.А. Бердяева, имеет тираническую тенденцию, «насильничество» [1990в, с. 260]. Становясь религией кесаря, церковь поддается искушению власти, преодолеваемому Христом, искушению осуществления теократии. По пути укрепления власти кесаря, «церковь лишь санкционировала то, – подчеркивает Н. А. Бердяев, – что делали другие внецерковные и внехристианские силы, и не имела собственного общества и государства» [Там же, с. 261]. Отношение к трансцендентному и предполагаемому положительному божественному воздаянию институциональными формами религии монополизируется.

Выделяемые Н.А. Бердяевым черты «православного зарубежья» остаются значимыми и для современной ситуации в России. Православие, отмечает он, отождествляется с клерикализмом – авторитарным обоготворением священников. Церковь рассматривается как орудие государственного порядка. В православии утверждается главенство политики над духом. Христианство сводится к храмовому «мнению от уставных церковных служб». Н.А. Бердяев

отмечает отсутствие благодатного просветления у людей, почитающих себя ортодоксально верующими [1990].

Исторически церковная религиозность была тесно связана с интересами князей и знати [Вебер, 1996]. Социальная реальность, способствующая удовлетворению потребностей церкви в земельной собственности, недвижимости, финансах, неизбежно сакрализируется.

Как это видно на примере истории европейского католицизма и русского православия в XX в., любой деструктивный политический режим, узаконивающий существование религиозных институтов, с неизбежностью легитимируется самими этими институтами. Архетипическая идея, в соответствии с которой религия является идеологическим обоснованием системы эксплуатации, наиболее полно проявляется в рамках бюрократического типа религиозности. В России дореволюционные владельцы, в частности уральских, заводов пеклись о благочестии своих работников: тех мастеровых, кто пропускал святое причастие, по их приказу подвергали «весьма суровому телесному наказанию» [Чумаков и др., 2001].

Бюрократическая вера положительно подкрепляется, награждается – в виде финансовой успешности, политической карьеры. В государстве с официально утвержденной религией одновременно следуют те или иные формы негативного подкрепления, наказания за неприятие всеобщих для всех верований (недоверие, осуждение, остракизм т.п.).

Церковь в бюрократической модальности любит не бедных, а богатых. Она не добивается не общественной справедливости, а упрочения социального неравенства. Поляризация доходов в земной жизни должна найти свое продолжение в виде неравенства после смерти. Религиозные спонсоры, согласно инвариантной установке, имеют, пропорционально вложенным финансовым средствам, большие возможности обрести вечное блаженство.

Религиозная пошлость, как вырождение религиозности, для И. А. Ильина, это «религия, ставшая орудием земной власти, наживы и обмана» [1993, с. 210]. Протест против государственной власти не может не направляться и против

государственной церкви в качестве эксплуататора. Реализацией подобных установок во многом объясняется безудержность «кровавого атеизма» революций – французской буржуазной и октябрьской социалистической.

Выполняя функции апологии политического режима, социальной консолидации и мобилизации, религия отождествляется с идеологией. Превращение религии в форму идеологии делает ее фактором все более конфликтогенным: участие религии в политике снижает значение светских юридических норм, ставит поведение человека в зависимость от «Высшей силы», волю которой каждый интерпретирует по-своему [Галин, 2003]. Теократическая концепция в соответствии с которой политическая власть дарована свыше и правительство должно подчиняться церкви, порождает особенно много репрессий [Оллпорт, 1998, с. 178].

Религии, не покровительствуемые правительством, проявляют большую жизненность, чем покровительствуемые. [Г. Бокль]. Деполитизируясь и отдаляясь от государственно-бюрократического аппарата, религия обретает свою истину, переставая быть религией Пилата, Ирода и Кайафы.

Пенионжсек Е.В.

Русское Средневековье: правая вера и функции правителя

В IX веке произошло крещение Руси. Согласно «Повести временных лет», сочинению Нестора-летописца XII века, Русь получила византийский образец христианской религии. Русские посчитали этот вариант единственно верной и правильной верой, которую они сохраняли в самые тяжелые времена российской истории.

Испытания татаро-монгольского ига отразились на властных отношениях в русском государстве, однако, укрепили православную веру русского народа, в связи с тем, что негативного влияния кочевых племен на православие русские не испытывали. Раздробленное государство исправно выплачивало дань татарским ханам, которые и не стремились отрицательно воздействовать на